

Интересно сопоставить приведенные рассказы о храме Андрея Боголюбского и о Софии Царьградской с другим рассказом, сходным не только по мыслям, но и по выражениям, — рассказом Иоанна Экзарха Болгарского о впечатлении, которое производит на смерда вид княжеского дворца. В таком сопоставлении указанное значение „красоты“ искусства выступает с особой отчетливостью. Вот рассказ из „Шестоднева“ — книги упомянутого болгарского писателя X века, хорошо известной древней Руси. Рассказ этот, кстати сказать, с его противопоставлением роскоши княжеского дворца и убогих соломенных хижин („хызы сламны“) простых людей, с полным правом мог бы быть отнесен и к русской действительности X—XII веков.

Иоанн пишет: „Яко же смерд, и ниць человек, и странен, пришед издадалече к преворам княжю двору и видев е, дивит се, и, приступив к вратам, чюдит се, вопрошая, и етры вшед, видит на обе стране храмы стояще украшены камением и дровом исписаны и прочее. В дворец вшед и узрев палаты высоки и църкви издобрены безгода камением и дровом и шаром изнутри же мрамором и медию и златом, таче не веды, чесомь приложити их, не бо есть видел на своей земли того, разве хызы сламны. Убог ти, яко и погубив си ум, чюдит се им ту. Но аще се прилучит ему и князя видети сидяща в сраце бисромь покыдане, гривну цетаву на выи носеща и обручи на руку, поясом волоромитом поясана, и мечь злат при бедре висещь, и оба полы его болеры сидяще в златах гривнах и поясах и обручах — ти аще его кто вопрошает, возвращьша на свою землю: что виде тамо? — речет: неведе како воспоедати того, свои бо бисте очи умеле достоине чюдите се красоте, тако же и аз не могу достоине тое доброты и чина сказати“.¹

* * *

Среди историков древнерусского искусства широко распространено истолкование последнего как искусства символического и мистического. Такое истолкование не ново: его подробно развивал во втором десятилетии нашего века небезызвестный в то время последователь религиозно-идеалистической философии Е. Н. Трубецкой. Забывая, вероятно, об этом обстоятельстве, указанную интерпретацию искусства древней Руси повторяют многие авторы наших дней. По утверждению одного из них,² искусство средневековой Руси было поставлено „на службу отрицающим реальность мира задачам“. По существу своему это — искусство „символическое и условное“. Создаваемые им изображения отвлечены и представляют собою „лишь чувственно-конкретизированные понятия“. В отдельных частностях они допускают „элементы иллюзионистической чувственности и реализма“, однако в целом изображение „воспринимается как символ, как нечто постоянное, неизменное и вечное“. Процесс развития древнерусской живописи с XI по XVII век включительно и отдельные проявления в нем „реалистических тенденций“ не затронули „существа ее условного и символического художественного мышления“, „религиозно-мистической сущности вос-

¹ Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским, по харатейному списку Московской синодальной библиотеки. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. III, 1879, л. 195 об.

² А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. Искусство, № 5, 1941, стр. 73—74, 80, 82, 96 и др.